

Пролежав несколько часов на полу, Рафаэль наконец проснулся. Головная боль снова накатила, но теперь это была не резкая, как раньше, а скорее тянущая боль от долгого сна.

Это чувство напоминало пробуждение после слишком долгого отдыха, когда голова кажется тяжёлой, а мир вокруг — слегка неясным.

Мальчик взглянул на порез на своей руке, который уже немного затянулся, хотя всё ещё был глубоким. Рафаэль устало зевнул.

«Что за странный день... Интересно, кому ещё удавалось поговорить со своим альтер-эго? Наверное, так себя чувствуют пациенты психбольницы».

Ещё несколько минут он лежал неподвижно, размышляя о диалоге — или монологе? — со своей тёмной версией.

«Интересно, сколько уже времени?»

Этот вопрос возник неслучайно. Когда Рафаэль только проснулся после регрессии, на улице было светло, явно утро. Сейчас же, из роскошного окна его комнаты пробивался оранжевый свет заката.

«Получается, я проспал как минимум часов восемь?»

Мальчик медленно поднялся, чувствуя лёгкое головокружение, и подошёл к столу, на котором лежали карманные часы. Они привлекали внимание своим блеском, отражая вечерний закат, пробивающийся через шторы.

Эти часы были типичны для аристократов этой эпохи. Золотой корпус, отполированный до ослепительного блеска, был украшен тонкой гравировкой, изображающей изящные узоры в форме виноградной лозы.

Циферблат был защищён прочным стеклом, которое не имело ни одной трещины или царапины. Стрелки, выполненные из тончайшего серебра, двигались почти беззвучно, указывая точное время.

К часам была прикреплена массивная золотая цепочка, плавно спускавшаяся на стол. На конце цепочки висел небольшой медальон с фамильным гербом Эрхартов, вырезанным на фоне цита.

Герб был настолько детализирован, что можно было различить мельчайшие элементы, подчеркивающие знатное происхождение владельца.

Эти часы были подарком патриарха на его пятилетие, и именно они стали одной из причин, почему братья ненавидели Рафаэля.

Патриарх редко уделял внимание своим детям, и уж тем более не дарил им такие дорогие подарки. Но Рафаэлю достались эти часы — полностью ручной работы, с фамильным гербом.

Старшие братья и сестры были возмущены, видя, как ребёнок, который даже не являлся полноценным членом семьи, получает такое внимание.

«С этими часами связано столько приятных воспоминаний», — думал Рафаэль, вспоминая лица своих раздражённых братьев, особенно Тео.

Немного позлорадствовав, Рафаэль наконец взглянул на циферблат, чтобы узнать точное время. Часы показывали 8:34 вечера, что означало приближающийся ужин, а затем — время сна.

— И что мне делать? Я ведь буквально только проснулся, — пробормотал мальчик, слегка раздражённый.

— Ладно, так или иначе, я хотел ещё зайти к Алисе. Думаю, это можно сделать после ужина.

Ужин в семье Эрхартов всегда был ровно в девять часов вечера, что давало Рафаэлю ещё двадцать шесть минут свободного времени. Он задумался, как лучше провести это время.

«Хм, для тренировок времени слишком мало, а если меня застукают за ними, то пустят ненужные слухи. Это только насторожит моих любимых братиков...»

Поскольку семья была в разъезде, обычный семейный ужин, проводимый в главном зале замка, не мог состояться, поэтому еду приносили в комнаты детей. Рафаэль понимал, что если его застукают за тренировкой контроля маны или ауры, то служанки сразу же доложат своим хозяевам.

Замок Драконья Уступь, по своей сути, был политической ареной, где каждая фракция поддерживала одного из членов семьи. Даже у младших детей были свои сторонники, составлявшие фракции, поэтому Рафаэль не хотел никому показывать своё усердие, пока не получит хоть какую-то силу.

Хотя такая система может показаться жестокой с психологической точки зрения, она закаляет детей Эрхартов. Это помогает им легче справляться с политическими встречами и интригами, с которыми они неизбежно столкнутся в будущем.

Стоит отметить, что самая большая фракция в замке была у патриарха, в то время как самая маленькая — у Рафаэля. Его поддерживали только Каземир и несколько его товарищей по службе, хотя, если быть честным, они скорее поддерживали Каземира, чем самого молодого господина.

— Ладно, пойду прогуляюсь, что ли.

Рафаэль решил пройтись по замку, пытаясь вспомнить этот период из своей прошлой жизни. Его главным преимуществом были знания, которых не было у его братьев. Он знал, что это могло помочь сократить разрыв в навыках, и понимал, что именно информационное превосходство может стать его сильнейшим козырем.

Быстро одевшись в повседневную одежду — белую кофту с капюшоном и резинкой, простые тёмные штаны и сланцы — он перевязал левую руку бинтом, который нашёл в тумбочке, и вышел из комнаты.

Рафаэль двинулся по роскошному коридору замка, освещённому газовыми лампами и украшенному драгоценными тканями и гербами семьи, выполненными из ценных материалов.

Гуляя по замку, Рафаэль рассматривал картины прошлых патриархов и Хранителей. Каждая картина была вложена в золотистую рамку ручной работы, с узорами, похожими на те, что были на его часах. Такое внимание к деталям впечатляло любого, кто впервые попадал в

фамильный замок.

Конечно же к Рафаэлю это не относилось.

— Уа-а-ах, — зевнул Рафаэль, проходя мимо очередной картины. — Как же скучно... Кому вообще интересно разглядывать портреты мертвецов?

Если бы его слова услышали старейшины или хотя бы слуги, уже через десять минут к нему прибежала бы стража, готовая приставить мечи к горлу мальчика в ожидании приказа.

Эрхарты строго придерживались традиций. Почтение к предкам и особенно к рыцарям, которые дали семье престиж, было обязательным для всех, кто жил на территории семьи. Особенно это касалось детей Эрхартов.

Но так как Рафаэль, обладая с детства повышенной чувствительностью к окружению, знал, что в радиусе ста метров нет ни одной живой души, он мог себе позволить произносить такие слова.

Пройдя ещё немного, Рафаэль остановился перед одной из картин.

На ней были изображены десять человек, среди которых его старшие брат и сестра — Эдриан и Лилиана, нынешний патриарх Алонзо, его жена Изабелла и отец Рафаэля — Териз Эрхарт.

Это была семейная картина тех времён, когда Лилиана была младшим ребёнком в семье. Хотя на картине были изображены и другие братья и сёстры отца, они Рафаэля интересовали меньше всего.

Это была единственная картина во всём замке, на которую Рафаэль смотрел дольше десяти секунд.

«Старикан, зачем ты вообще меня на свет произвёл, если исчез сразу же?»

Рафаэль не испытывал ненависти к своему пропавшему отцу, ведь ему не за что было его ненавидеть. Хотя отец и пропал, Рафаэля всё равно приютили в семье.

Мальчик был твёрдо уверен, что патриарх забрал его не из-за душевной доброты, а потому, что если бы кто-то узнал, что ребёнка из такой известной семьи выбросили только из-за потери отца, это вызвало бы слишком много негодования со стороны общественности.

Хотя Эрхарты никогда не переживали из-за мнения общества, они всё равно должны были держаться не на самом дне, иначе это могло бы позволить шпионам и предателям проникнуть в семью, давая огромные преимущества другим государствам и семьям.

Именно так рассуждал Рафаэль, поэтому сказать, что он испытывал благодарность, было бы неправильно.

«Хотя мать у меня не лучше. Я даже не знаю, как она выглядит», — с иронией подумал Рафаэль.

Так как мать Рафаэля была из малоизвестной семьи, её даже не планировали изображать на картинах. А учитывая, что статус его отца в семье стал неофициальным, как «предатель», даже его изображения было сложно найти, не говоря уже о картинах матери Рафаэля.

— Хах, забавная у меня семейка, — пробормотал Рафаэль, разворачиваясь и продолжая путь по

замку.

Вернувшись в комнату ровно в девять часов, Рафаэль увидел, что слуги уже ждали его с подносом еды и кувшином с какой-то жидкостью.

— Молодой господин, сегодня на ужин стейк из лунного карпа, гарнир из золотистого риса и салат из свежих овощей с наших грядок. Напиток — узвар, — сообщила одна из служанок.

— ЧТО?! — возмущённо вскрикнул Рафаэль.

— М-молодой господин? — служанка от неожиданности замерла.

— Почему узвар?! Дайте мне чай или сок, в конце концов! Я не хочу пить этот проклятый узвар!

Для такого сладкоежки, как Рафаэль, узвар был чем-то отвратительным, напоминающим воду с прокисшими фруктами, подобранными с земли.

— Но, господин, этот ужин был выбран поваром специально для вас, с учётом потребностей вашего организма на основе сегодняшнего обследования, проведённого сэром Каземиром, — вежливо пояснила служанка.

— Ах так! Значит, это дело рук Каземира? Понятно. Можете быть свободны, я позову, когда закончу.

— ... Поняла. Приятного аппетита.

Как только служанки покинули комнату, Рафаэль тут же открыл окно, отодвинул шторы и выплеснул узвар, который ему рекомендовал Каземир.

Честно говоря, Рафаэль был настолько раздражён, что казалось даже предательство Тео не злило его так сильно, как это.

«Так вот как ты решил мне отомстить за вопросы о братьях? — хитро подумал Рафаэль. — Посмотрим, кто победит в этой битве».

Со злобной ухмылкой Рафаэль принялся за ужин, поедая его с невероятной свирепостью. Он был по-настоящему раздражён.

Закончив с ужином и немного успокоившись, Рафаэль взял пару своих любимых леденцов на палочке и других конфет, после чего направился в комнату к своей любимой сестрёнке Алисе.

«Хах, что-то волнительно немного», — подумал он.

Подойдя к двери Алисы, Рафаэль постоял пару минут, чувствуя лёгкую тревогу. Подумать только, он вновь увидит одного из немногих людей, которых считал близкими и которых уже не надеялся увидеть.

Набравшись смелости, Рафаэль постучал в дверь. Он услышал лёгкие шаги, такие лёгкие, что казалось, будто человек не идёт, а едва касается пола, словно парит над землёй.

Дверь тихо открылась.

— Братик! Ты пришёл! Значит, сэр Каземир не соврал! — радостно воскликнула девочка, появившись перед ним.

Перед Рафаэлем стояла Алиса, четырёхлетняя девочка с нежными чертами лица, которые будто бы источали мягкий свет. Её длинные, шелковистые волосы, тёмные с серебристыми прядями, спадали до самой спины, переливаясь в свете фонарей. Серебристые нити в её волосах сверкали, как лунный свет, придавая ей неземную грацию.

Алиса была одета в простую серую ночную рубашку, но её украшали фамильные золотистые узоры, изящно вышитые по краям, добавляя ей невинной элегантности.

Её голубые глаза, в которых отражались все детские мечты и радость, смотрели на Рафаэля с такой безграничной любовью и доверием, что сердце его сжалось. Смотря в эти глаза, он ощущал тепло, которое заполнило всё его существо.

Сглотнув, стараясь утихомирить свои эмоции, Рафаэль улыбнулся в ответ.

— Привет, сестричка. Я принёс тебе угощения, — с нежностью в голосе произнёс Рафаэль, обнимая Алису.

<http://tl.rulate.ru/book/116930/4686144>